

ВТОРОЕ ОТКРЫТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ МАЙЯ

Получилось так, что мои зарубежные коллеги на предложение дать в ВДИ статью о наиболее выдающихся достижениях в изучении цивилизаций доколумбовой Мезоамерики, не сговариваясь, представили работы о древних майя. И это вполне естественно. Ни одна другая культура индейцев в доиспанской Америке не подвергалась за последнее столетие столь интенсивным и глубоким исследованиям, как майяская. Ни одна другая древняя цивилизация Нового Света не имеет такого обилия и разнообразия исторических источников — письменных, этнографических, археологических. И, наконец, самое главное: только майя из всех коренных обитателей Западного полушария создали к концу I тыс. до н. э. сложнейшую систему подлинной письменности — иероглифику, так что надписи на камне, кости и глине составляют непреходящую принадлежность любого древнего города майя, как классического (I—IX вв. н. э.), так и постклассического (X—XVI вв. н. э.) периодов. Стоит ли удивляться, что по мере достижения в последнее время все больших успехов в археологических исследованиях майяских древностей и в прочтении (или истолковании) иероглифических текстов из руин майяских городов ученые разных стран все чаще обращают свои взоры именно к этой яркой цивилизации доколумбовой Мезоамерики.

Посвящены данной тематике и приведенные ниже статьи крупнейшего археолога и историка из США, профессора Гарвардского университета Гордона Р. Уилли, главы Центра по изучению майя (Мексика) доктора Мерседес де Ла Гарсы и профессора Университета Комплутенсе в Мадриде (Испания) Мигели Риверы Дорадо, возглавляющего Испанскую археологическую миссию в Мексике. Никаких принципиальных возражений по содержанию данных работ у меня нет, и поэтому то, что излагается далее в моей статье — это скорее дополнение и разъяснение нашему читателю ряда затрагиваемых авторами проблем. Любой желающий может ознакомиться с моей концепцией относительно характера государственного устройства древних майя в сравнительно недавно опубликованных монографиях и статьях¹, а относительно майяского искусства и религии — в ряде других работ².

К началу испанского завоевания в XVI в. индейцы майя занимали обширную и разнообразную по природным условиям территорию, включающую в себя современные мексиканские штаты Табаско, Чьяпас, Кампече, Юкатан и Кинтана Роо, а также всю Гватемалу, Белиз (быв. Британский Гондурас), западные районы Сальвадора и Гондураса.

Границы области майя в I тыс., по-видимому, более или менее совпадали с упомянутыми выше. В настоящее время большинство ученых выделяет в пределах этой территории три крупные культурно-географические области, или зоны: Северную (п-ов Юкатан), Центральную (Северная Гватемала, Белиз, Табаско и Чьяпас в Мексике) и Южную (горная Гватемала). Эти три области различаются не только географически. Они не похожи друг на друга и своими историческими судьбами. Хотя все они были заселены с очень ранних времен, между ними, безусловно, имела место своеобразная «передача эстафеты» культурного лидерства: Южная (горная) область, по-видимому, дала

¹ Гуалес В. И. Города-государства майя. М., 1979; *он же*. Типология и структура древних государств Мезоамерики // Исторические судьбы американоиндейцев. М., 1985. С. 52—64; *он же*. Структура власти в древнейших государствах Мезоамерики // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 103—119; *он же*. Экология и урбанизация в доиспанской Мезоамерике // Экология американских индейцев и ацтекосов. М., 1988. С. 157—180.

² Гуалес В. И. Атрибуты царской власти у древних майя // СА. 1972. № 3; *он же*. Забытые города майя. Проблемы искусства и архитектуры. М., 1984; *он же*. Культ предков у древних майя // Религия мира. Ежегодник. М., 1984. С. 65—81.

могучий толчок развитию классической культуры майя в Центральной области, а последний отблеск великой майяской цивилизации связан с Северной областью (Юкатаном).

Центральная область майя — центральная не только географически. Это именно та самая территория, где майяская цивилизация достигла вершины своего развития в I тыс. Здесь же находилось тогда и большинство крупнейших городских центров: Тикаль, Паленке, Ишчилан, Наранхо, Пьедрас-Неграс, Копан, Киритгуа и др. Культура майя классического периода составляет наиболее блестящую и яркую страницу их истории, крупнейшие и наиболее важные города классической цивилизации находились именно в центральной области майя, поэтому основное внимание в данной статье будет уделено памятникам I тыс. на территории Центральной и частично Северной областей.

Начало классического периода в низменных лесных областях майя отмечено появлением таких новых черт культуры, как иероглифическая письменность (надписи на рельефах, стелах, притолоках, росписях керамики и фресках, предметах мелкой пластики), календарные даты по эре майя (так называемого «Длинного Счета» — число лет, прошедшее от мифической даты 3131 г. до н. э.), монументальная каменная архитектура со ступенчатым («ложным») сводом, культ резных стел и алтарей, специфический стиль керамики и терракотовых статуэток, оригинальная настенная живопись.

Архитектура в центральной части любого крупного города майя I тыс. н. э. представлена пирамидальными холмами и платформами различных размеров и высоты. Они сооружены обычно из смеси земли и щебня и облицованы снаружи плитами тесаного камня, скрепленными известковым раствором. На их плоских вершинах стоят каменные здания: небольшие постройки из одной-трех комнат на высоких башнеобразных пирамидах-основаниях (высота некоторых пирамид-башен достигает 60 м, как, например, в Тикале) — это, вероятно, храмы. А длинные многокомнатные ансамбли на низких платформах, обрамляющих внутренние открытые дворики — скорее всего, резиденции знати, или дворцы. Поскольку черекрытия этих зданий сделаны обычно в виде ступенчатого свода, стены их очень массивны, а внутренние помещения сравнительно узки и невелики по размерам. Единственным источником света в комнатах были узкие дверные проемы, поэтому внутри уцелевших храмов и дворцов царят прохлада и полумрак. В конце классического периода у майя появляются площадки для ритуальной игры в мяч — третий тип основных монументальных построек местных городов. Основной единицей планировки в городах майя I тыс. н. э. были прямоугольные мощеные площади, окруженные монументальными зданиями. Очень часто важнейшие ритуально-административные постройки располагались на естественных или искусственно сделанных возвышениях — «акрополях» (Пьедрас-Неграс, Паленке, Копан, Тикаль и др.).

Рядовые жилища строились из дерева и глины под крышами из сухих пальмовых листьев и были, вероятно, очень похожи на хижины индейцев майя XVI—XX вв., описанные историками и этнографами. В классический период, как и позднее, все жилые дома стояли на невысоких (1—1,5 м) платформах, облицованных камнем. Отдельно стоящий дом — явление крайне редкое у майя. Обычно жилые и подсобные постройки образуют группы из двух — пяти построек, расположенных вокруг открытого внутреннего дворика (патио) прямоугольной формы. Это — резиденция большой патрилокальной семьи. Жилые «патио-группы» имеют тенденцию объединяться в более крупные единицы — наподобие городского «квартала» или части его.

В VI—IX вв. майя достигли наивысших успехов в развитии различных видов прикладного искусства и прежде всего в монументальной скульптуре и живописи. Скульптурные школы Паленке, Копана, Ишчилана, Пьедрас-Неграс добиваются в это время особой точности моделировки, гармоничности композиции и естественности в передаче поз и движений изображаемых персонажей (правителей, жрецов, сановников, воинов, слуг и пленных).

Знаменитые фрески Бонампака (Чьяпас, Мексика), относящиеся к VIII в. н. э., — это целое историческое повествование: сложные ритуалы и церемонии, сцены набега на чужое селение, жертвоприношение пленных, празднество, танцы и шествия сановников и вельмож. Вновь открытые росписи на стенах храма в Муль-Чике (близ Ушмали, полуостров Юкатан) изображают жестокие сцены войны. На земле лежат тела убитых; один труп висит на дереве: люди избивают друг друга камнями; три грозных и мрачных майяских воина, украшенных ожерельями из черепов своих предыдущих жертв, медленно идут по полю битвы, держа в руках в качестве трофеев головы убитых врагов.

Благодаря работам американских (Т. Проскурякова, Д. Келли, Г. Берлин, Дж. Кублер и др.) и советских (Ю. В. Кнорозов, Р. В. Кинжалов) исследователей удалось доказать, что монументальная скульптура майя I тыс. н. э. — стелы, притолоки, рельефы и панели, а также иероглифические надписи на них — это мемориальные памятники в честь деяний конкретных майяских правителей. Они рассказывают о рождении, вступлении на престол, войнах и завоеваниях, династических браках, ритуальных обрядах и прочих важных событиях из жизни светских владык почти двух десятков городов-государств, которые, по данным археологии, существовали в центральной области майя в I тыс. н. э.

Совершенно по-иному определяется сейчас и назначение некоторых пирамидальных храмов в городах майя. Если прежде они считались святилищами важнейших богов местного пантеона, а сама пирамида была лишь высоким и монолитным постаментом для храма, то за последнее время под основаниями и в толще ряда таких пирамид удалось обнаружить пышные гробницы царей и членов правящих династий (открытие А. Руса в храме Надписей, Палевке и др.). В ряде случаев археологи смогли доказать, что первоначально сооружалась гробница, а уже потом над нею возводилась высокая ступенчатая пирамида, увенчанная сверху храмом. Между храмом и гробницей иногда осуществлялась прямая связь либо с помощью специальной трубы, либо с помощью лестницы, пробитой сквозь толщу пирамиды. Это, по-видимому, означает, что в комплексе «храм — пирамида — гробница» главную роль играет именно царская гробница, а храм, выстроенный над ней, является в действительности заупокойным храмом в честь обожествленного правителя или его предков.

Заметные изменения претерпели за последнее время и представления о характере, структуре и функциях крупных майяских «центров» I тыс. н. э. Широкие исследования археологов США в Тикале, Цибилчалтуне, Эцне, Сейбале, Бекане и др. выявили наличие там значительного и постоянного населения, развитого ремесленного производства, привозных изделий. Прослеживаются многие другие черты, свойственные древнему городу как в Старом, так и в Новом Свете.

Когда в XVI в. европейские завоеватели впервые высадились на каменистые берега Юкатана, их поразило буквально все: обнесенные высокими стенами города, богатства местных правителей, опрятные белые одежды индейцев. К тому же майя были единственным народом американского континента, сумевшим задолго до конквисты создать сложную систему иероглифического письма. По сообщениям испанцев, в XVI в. во многих юкатанских городах при храмах и дворцах имелись большие библиотеки из рукописных книг. В них с помощью иероглифов и красочных рисунков была записана родословная правящих династий городов-государств майя, рассказывалось о войнах и переселениях племен, религиозных концепциях, о судьбе души человека в страшном «Подземном царстве» смерти, астрономических вычислениях и многих других сторонах духовной и политической жизни этого народа. Видимо, таких рукописей было тогда очень много. К сожалению, почти все они погибли в годы испанского завоевания или позже, во времена насильственной христианизации индейцев. Католические инквизиторы стремились уничтожить любое напоминание о языческой культуре, «порожденной дьяволом». Погибли тогда в многие жрецы майя — почти единственные грамотные люди среди индейцев. Стоит ли поэтому удивляться, что уже через сто лет после прихода европейцев знание древнего иероглифического письма майя полностью утрачено.

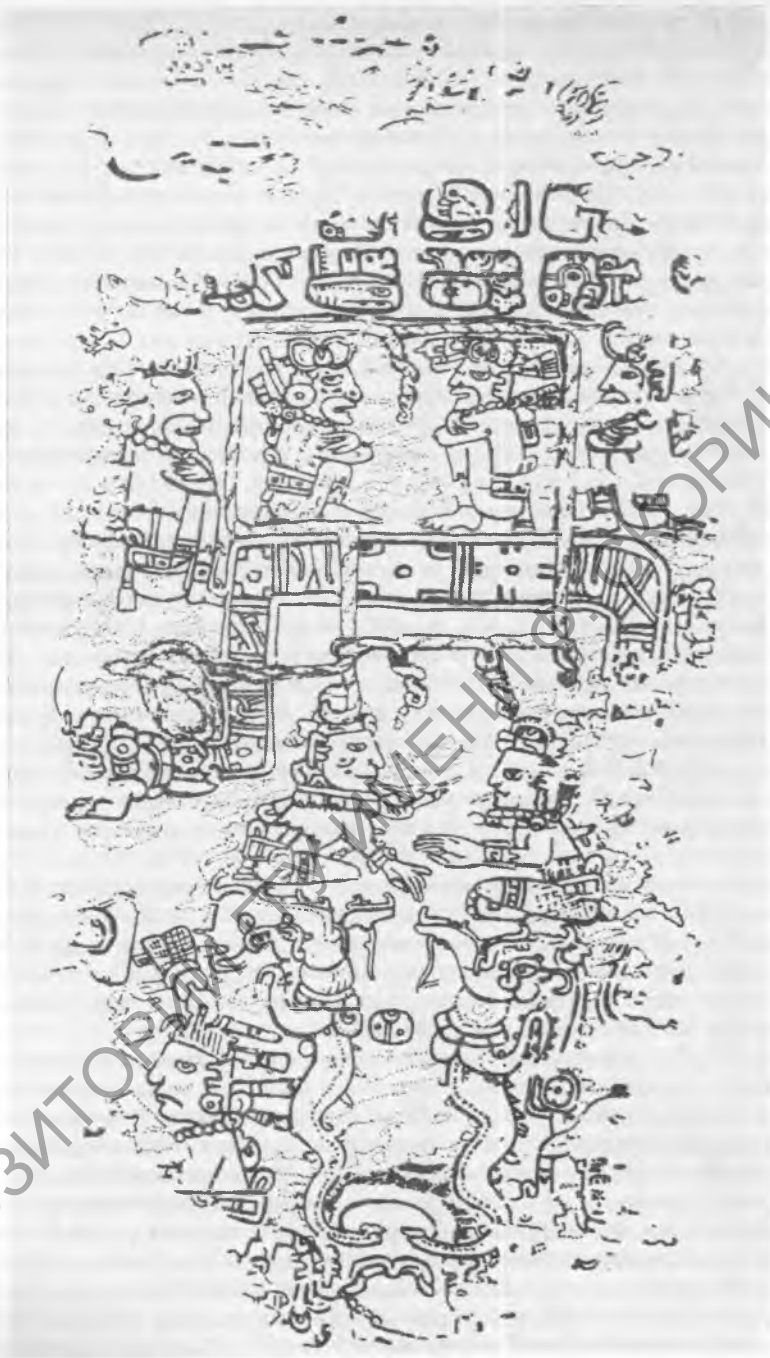

Рис. 1. Фрагмент из Мадридской рукописи майя, XV в.

Рис. 2. Фрагмент из иероглифической рукописи Гролье, культура майя. XV в.

В XVIII—XIX вв. в различных городах Европы было открыты и опубликованы три рукописные книги майя — Дрезденская (XII в.), Парижская (XIII—XV вв.) и Мадридская (XV в.) (рис. 1). И уже совсем недавно в одной частной коллекции в США удалось обнаружить остатки еще одной, четвертой книги, получившей название «рукопись Гролье»³ (рис. 2).

Сразу же после открытия рукописей майя стали предприниматься попытки понять и прочесть их тексты. Особую активность проявляли здесь ученые Германии, Франции и США. Но единственное, в чем они добились успеха — это в чтении календарных надписей и знаков. Сами же тексты дешифровать так и не удалось. И все же ключ к вековой загадке майяских писем был найден. В 50-х годах советский этнограф Ю. В. Кнорозов изложил в серии статей основные принципы дешифровки письменности майя.

Майяская письменность, как выяснилось, относится к морфемно-силлабическому, или, как принято говорить, иероглифическому письму. Это означает, что в письменности майя, как и в иероглифических системах письма Старого Света, употребляются звуки фонетические (алфавитные и слоговые), идеографические (обозначающие целые слова) и ключевые (поясняющие значение слова, но не читающиеся). Один и тот же знак в разных сочетаниях может употребляться то как фонетический, то как ключевой, то как идеограмма. Поэтому предложенная дешифровка была основана на сравнительном изучении фраз, знаков и сопровождающих их рисунков и рукописей (метод так называемой «позиционной статистики»). Посредством перекрестных чтений (главного критерия правильности дешифровки) проиллюстрированы способы написания слов, впервые опубликовано фонетическое чтение основных знаков майяской системы письма⁴. Логическим завершением этой трудоемкой работы явилось издание в 1975 г. русского перевода всех четырех сохранившихся рукописей майя⁵.

Все четыре иероглифические рукописи — Дрезденская, Парижская, Мадридская и Гролье — оказались жреческими требниками. Они содержат подробный перечень обрядов, жертвоприношений и предсказаний, связанных со всеми отраслями хозяйства майя (земледелие, охота, рыбная ловля, пчеловодство) и касающихся всех слоев населения.

В научный оборот введен совершенно новый исторический источник, способный во многом восполнить и изменить наши пока еще скудные сведения о характере общества майя накануне испанского завоевания в XVI в. Источник этот по своему содержанию весьма сложен и своеобразен. На основании этих сведений можно говорить о том, что жрец совершал обряды, требовал у жителей селения надлежащей жертвы, определял

³ Сое М. D. *Maya Scribe and His World*. N. Y., 1973.

⁴ Подробное изложение метода дешифровки письменности майя, его практическое применение — тексты рукописей XII—XVI вв., грамматику и словарь старого языка юкатанских майя см. в книге: Кнорозов Ю. В. Письменность индейцев майя. М.—Л., 1963.

⁵ *Он же*. Иероглифические рукописи майя. Л., 1975.

благоприятное время для свершения дел и предсказывал будущее всему населению — от правителей до новорожденных. В жреческих требниках кратко указаны занятия богов, даны их изображения. Жители селений должны были точно следовать календарю деятельности богов, который описан последовательно, с точностью до дня.

В рукописях XII—XV столетий, созданных самими майя за несколько веков до Ковкиты, отражены многие стороны их повседневной жизни, экономики, социальной структуры и верований. Особенно ценный материал дают эти документы для изучения религии майя. Однако рукописи почти не касались политической истории юкатанских городов-государств. К тому же они освещали лишь сравнительно поздние события XII—XV вв. н. э., непосредственно предшествовавшие появлению европейцев в Новом Свете. Начальные же страницы истории цивилизации майя, относящиеся к так называемому «классическому» периоду (I—IX вв. н. э.), по-прежнему оставались почти неизвестными науке.

В последние десятилетия археологи открыли в джунглях великолепные города древних майя, вычурные каменные храмы и дворцы, многоцветные красочные фрески, статуи богов и гробницы царей, изящную расписную керамику. Но весь этот богатейший материал оставался «немым» и «бессловесным» без прочтения письменных источников. А они имелись и притом в достаточно большом количестве: среди руин заброшенных городов I тыс. н. э. археологи часто находили иероглифические надписи, высеченные на камне или вырезанные на раковинах, кости и керамике. Но прочесть тексты I тыс. н. э. не брал на себя смелость ни один из самых искушенных специалистов по культуре майя. Однако после прочтения рукописей XII—XV вв. появилась возможность, опираясь на прочную основу в виде уже известных иероглифов и лексики этих источников, перейти к чтению более ранних текстов майя. Их объем по крайней мере в 20 раз превышает объем уже упоминавшихся майяских рукописей, а содержащее гораздо ярче и разнообразнее.

Чтение древних текстов I—IX вв. н. э. было затруднено несколькими обстоятельствами: во-первых, наличием в надписях новых (неизвестных в рукописях XII—XV вв.) иероглифов, во-вторых, непонятным их написанием (причины — повреждения, скоропись, ошибки писцов, иная форма иероглифов, высеченных на камне, и т. д.), в-третьих, плохим знанием лексики майя: речь идет не только о недостаточных знаниях современных лингвистов о лексике майя XVI в., но и о том, что язык надписей I тыс. н. э. безусловно должен был, ввиду значительного хронологического разрыва, заметно отличаться от языка юкатанских индейцев XVI в. н. э.

Изучение неизвестной письменности — длительный и сложный процесс. Отождествление знаков письменности не означает еще, что мы можем читать и переводить тексты. Точно так же обстояло дело и с майяскими письменами. До тех пор, пока не были составлены и изданы словари и не была изучена грамматика и лексика юкатанских майя времен ковкиты, нельзя было прочесть и древние рукописи. Большая заслуга в составлении и публикации этих словарей принадлежит Центру по изучению культуры майя при Национальном Автономном Университете г. Мехико в Мексике. С этим центром советские ученые поддерживают постоянные и тесные контакты. Столь же необходимым для успешного продвижения было создание каталогов всех иероглифических знаков майя.

Два весьма важных обстоятельства ускорили начало успешной атаки на загадки майяской иероглифики I тыс. н. э. В апреле 1971 г. в Нью-Йорке, в клубе Гролье при активном содействии известного американского археолога Майкла Д. Ко была открыта выставка «Письменность древних майя». В музеях и частных коллекциях удалось собрать множество изделий майя I тыс. н. э. из глины, камня и кости с изображениями и короткими иероглифическими надписями. Большинство упомянутых предметов происходило из грабительских раскопок и, естественно, не попало до тех пор в поле зрения ученых. Особое место на выставке занимала значительная коллекция изящных глиняных ваз с многоцветной расписью. На каждом из таких сосудов рядом с иерогли-

Рис. 3. Расписной сосуд майя позднеклассического периода с «дворцовой сценой» (600—900 гг.)

Рис. 4. Расписной сосуд майя с изображением божества Летучей Мыши из горной Гватемалы, I тыс. н. э.

фической надписью имелось обычно и какое-то изображение. Таким образом, эта древняя керамика в значительной мере была похожа на рукописи майя XII—XV вв., где также изображения богов и мифологических персонажей сопровождалось пояснительным текстом. К тому же форма многих иероглифов на глиняных вазах почти не отличалась от знаков рукописей, что облегчало их сопоставление.

Издав после завершения выставки три больших альбома древнемайяской керамики, М. Д. Ко ввел в научный оборот совершенно новый вид источников для I тыс. н. э. — одновременно и письменных, и изобразительных⁶. Это дало ученым возможность приступить к исследованию громадного по объему и совершенно нового материала по искусству, религии, философии и письменности древних майя, который находился до сих пор почти в полном забвении. И главная причина сложившегося положения заключалась в том, что замечательные расписные вазы майя, как и другие произведения искусства доколумбовой эпохи, становились жертвой преступной деятельности грабителей древностей и тайно вывозились из латиноамериканских стран в частные коллекции США и Западной Европы, в большинстве своем закрытые для специалистов. М. Д. Ко впервые осуществил общий анализ майяской керамики и поставил вопрос о

⁶ *Coe. Op. cit.; idem. Classic Maya Pottery at Dumbarton Oaks. Washington, 1975; idem. Lords of the Underworld. Princeton — New York, 1978.*

ее назначении, тематике росписей и содержании имеющихся там иероглифических текстов. По мнению этого исследователя, все росписи на полихромной глиняной посуде I тыс. н. э. ограничены приблизительно четырьмя основными мотивами: 1) правитель, сидящий на троне в окружении слуг и сановников (рис. 3); 2) божество со старческим лицом, выглядывающее из раковины, — бог «N» (с раковиной улитки на спине — один из правителей «Подземного царства»); 3) два юных персонажа в богатых одеждах, внешне похожие друг на друга; 4) божество в виде летучей мыши с символами смерти на крыльях (рис. 4).¹

Показательно и то, что все найденные до сих пор в ходе археологических раскопок целые сосуды подобного рода происходят только из самых богатых и пышных гробниц и погребений, принадлежавших, по-видимому, царям и высшей аристократии майя. Таким образом, получилось, что сцены и тексты, запечатленные на этих изящных вазах, относятся не к повседневной жизни майяской элиты, а к «Подземному царству» смерти. Но М. Д. Ко пошел еще дальше, и заявил, что в полихромной майяской керамике мы имеем все, что осталось от очень большой и сложной иконографии царства смерти и его ужасных богов и что эти сведения каждый древний гончар получал из иероглифической рукописи или книги, которая описывала путешествие души умершего в подземное царство. Представления майя и индейцев-науа из Центральной Мексики о вселенной и смерти во многом были общими. Над плоской поверхностью прямоугольной земли находилось 13 слоев небес, каждый из которых имел свое божество. Под землей располагалось «Подземное царство», которое, согласно некоторым источникам, состояло из девяти ярусов. Души воинов, погибших на поле битвы или от жертвенного ножа, и души женщин, которые умерли при родах, направлялись прямо на небо, в рай бога Солнца, тогда как утонувшие и умершие от болезней, связанных с водой и молнией, шли в рай бога Дождя.

Однако для большинства людей финалом служил подземный мир — ужасное, холодное и темное царство, где бродила до момента своей окончательной гибели душа умершего. Майя из низменных лесных областей считали, что вход в преисподнюю, которую они называли «Метналь» или Шибальба, — это отверстие в земле где-то в районе Альта Верapas в Горной Гватемале. Оттуда бьет фонтан из крови и сгнивших тел. Во время своего страшного путешествия по владениям богов смерти душа человека подвергается различным испытаниям, ярко описанным в ацтекских и майяских мифах. Например, она должна пересечь реку из крови — для этого при похоронах приносится в жертву собака-поводырь, помогающая при форсировании этого местного Стикса. Наиболее красочное описание преисподней дано в «Пополь-Вух» — священной книге майя-киче, занимавших господствующее положение в горной Гватемале накануне испанского завоевания в XVI в. Одна часть этого великого народного эпоса посвящена подвигам божественных близнецов и их конечной победе над владыками Шибальбы.

Самое поразительное в работах М. Д. Ко состоит в том, что он впервые установил для изображений на ряде полихромных сосудов майя I тыс. н. э. прямые совпадения с мифом о приключениях героев-близнецов в «Подземном царстве» из эпоса майя-киче «Пополь-Вух».

Чаще всего на этих вазах появляются двое юношей с метками бога на теле (рис. 5). Их богатые одежды и украшения свидетельствуют о высоком социальном статусе. М. Д. Ко назвал их «юными правителями» и считает, что это и есть наверняка герои-близнецы майяского мифа — Хунахпу и Шбаланке. Иногда они показаны в противоборстве с парой старых богов, которые определенно являются верховными владыками Шибальбы. Один из этих старых богов — бог «N» в рукописях майя — изображен с раковиной улитки на спине. Другой бог — «L» имеет головной убор из перьев, увенчанный волшебной совой, и обычно курит сигару. На уникальной вазе из коллекции Принстонского университета (США) один из близнецов изображен вытаскивающим бога «N» из раковины. Одновременно близнец-победитель занес за спиной руку с крем-

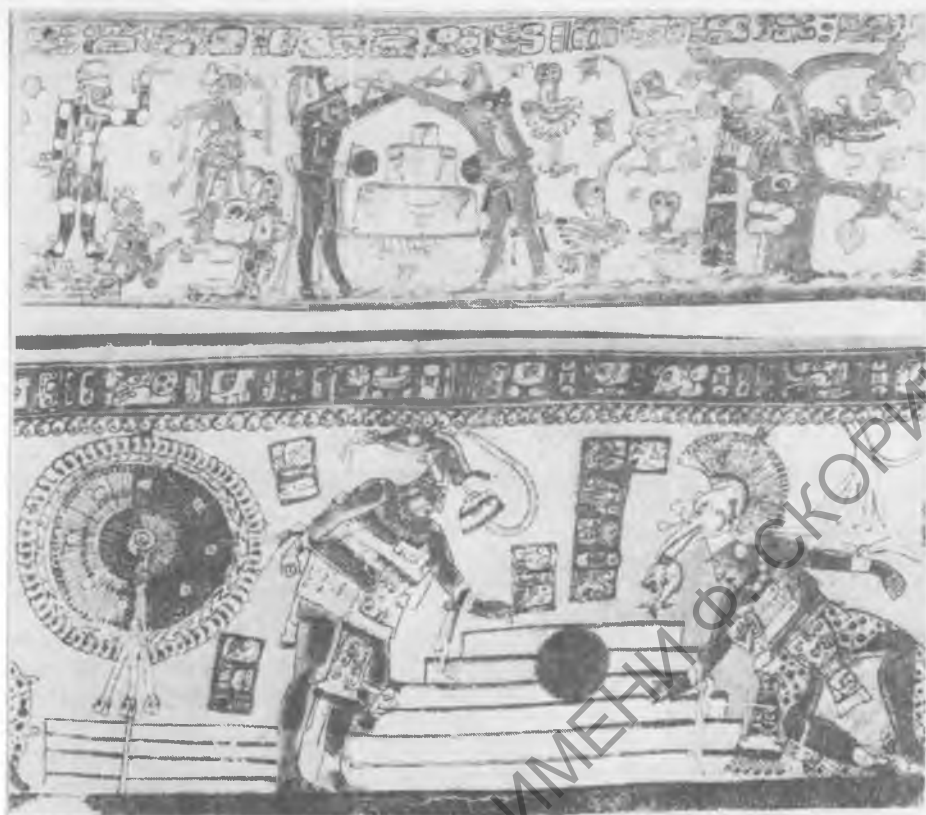

Рис. 5. Полихромная ваза со сценой ритуальной игры в мяч, культура майя, 1 тыс. н. э.

невым ножом для решающего удара (рис. 6). Видимо, перед нами — финальный акт повествования «Пополь-Вух» о гибели верховных правителей Шибальбы.

Что касается иероглифических текстов на расписной керамике майя, то М. Д. Ко установил, что вокруг венчика сосуда идет всегда одна и та же стандартная надпись — «первичная стандартная формула». Точное ее содержание до недавних пор было неизвестно, но теперь есть основания предполагать, что в ней речь идет о путешествии души умершего правителя или сановника майя в Шибальбу — «Подземное царство» и описываются встреченные там божества⁷. Если это так, то майя должны были иметь длинные погребальные песнопения, вероятно, над умирающим или только что умершим человеком, чтобы подготовить его к страшному путешествию в преисподнюю. Вторичные тексты, иногда встречающиеся на таких сосудах возле изображенных фигур, относятся к богам или реальным людям и содержат их титулы и имена.

В расписной керамике майя мы имеем, таким образом, совершенно новый мир майяской мифологии, который до сих пор игнорировался археологами и историками искусства. Этот мир — царство смерти, «населенный» поразительно большим числом ужасных существ, многие из которых редко или вообще не появляются на каменных скульптурах или в уцелевших рукописях майя (рис. 7). Этот обширный набор керамики, предназначенный исключительно для того, чтобы сопровождать умерших царей и

⁷ Кнорозов Ю. В., Ершова Г. Г. Надписи майя на керамических сосудах // Древние системы письма. Этническая семиотика. М., 1986. С. 114—151.

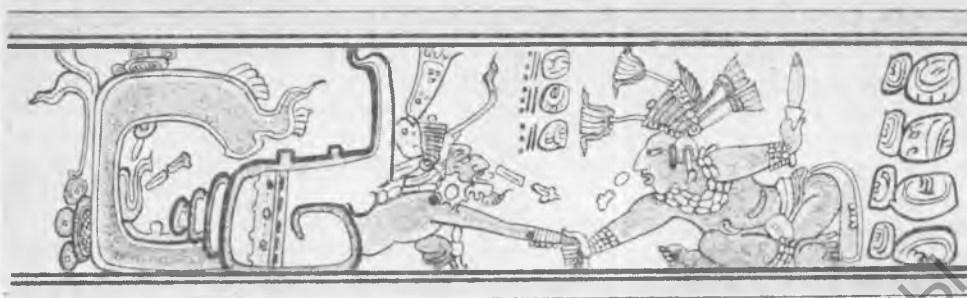

Рис. 6. Фрагмент росписи полихромного позднеклассического сосуда майя

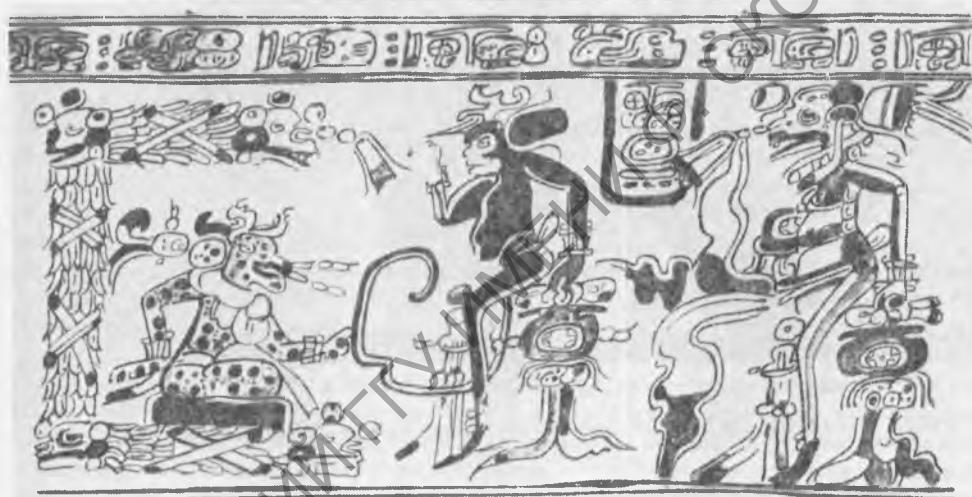

Рис. 7. Роспись сосуда майя с изображением персонажей Подземного царства смерти (в центре — обезьяна), I тыс. н. э.

аристократов в Подземное царство, может быть прямым эквивалентом «Книги Мертвых» у древних египтян. В конечном счете, изображение и надпись на каждом таком сосуде описывают смерть майяского правителя, длительное путешествие его души по страшным лабиринтам подземного царства и последующее воскрешение правителя, превращающегося в одного из небесных богов (рис. 8). Исследования М. Д. Ко представляют собой новый, значительный шаг на пути к пониманию мифологических воззрений, религии и социально-политических институтов майя классического периода. Однако некоторые его выводы выглядят излишне категоричными. Особенно это касается утверждения, что вся полихромная керамика I тыс. н. э., будучи погребальной по своему назначению, отражает лишь мифологические и потусторонние темы, не связанные с реальной жизнью.

Действительно, многие расписные сосуды из богатых гробниц классического периода содержат изображения богов подземного мира, чудовищ, мифологических существ и т. д. Но вместе с тем есть там и ряд мотивов чисто исторического характера. Сюжеты, связанные с «дворцовыми» или «военными» сценами, хотя они и помещены на погребальной керамике, могли, например, отражать какие-то реальные, особо при-

Рис. 8. «Культовая сцена». Полихромная ваза майя, I тыс. н. э.

мечательные события из жизни умершего правителя или аристократа. Это отчетливо видно и на примере тех двух замечательных расписных ваз, которые исследовал в своей публикации Ю. В. Кнорозов (сосуд № 26 из первого альбома М. Д. Ко — с «батальной сценой»; и сосуд № 19 из третьего альбома — с «дворцовой сценой»). На первой из этих ваз изображена сцена битвы. Одиннадцать персонажей, разделенных на два отряда по пяти и шести человек, столкнулись в ожесточенной схватке. Более многочисленный отряд (слева), судя по всему, уже проиграл битву и отступает. Три воина из его состава попали в плен, и их уводят торжествующие победители. Иероглифические надписи, помещенные возле действующих лиц данной сцены, содержат их имена, титулы и носят бесспорно исторический характер. Здесь уместно напомнить, что их перевод, сделанный Ю. В. Кнорозовым, — это вообще первый перевод некалендарных иероглифических текстов майя I тыс. н. э., первое «вторжение» современной науки в политическую историю майя классического периода. Итогом этого «вторжения» были реальные имена реальных исторических персонажей, живших более 11 веков назад: персонаж № 4 — главное действующее лицо всей данной сцены, полководец по имени «Ястреб-добытчик» и правитель города-государства «Вихрь Дротиков» (персонаж № 11).

Однако Ю. В. Кнорозову удалось прочесть и «первичную стандартную формулу» — кольцевую надпись вокруг венчика сосуда, которая, как известно, никогда не бывает прямо связана с помещенным ниже изображением⁸. Это, во-первых, позволяет теперь читать почти все аналогичные надписи на десятках других майяских сосудов I тыс. н. э., а во-вторых, дает важную дополнительную информацию о древних майя. «Первичная стандартная формула» названа Ю. В. Кнорозовым «формулой возрождения». Сосуды с такой формулой встречаются на керамике майя с рубежа н. э. до X в. н. э. (рис. 9). Она не была до сих пор обнаружена в надписях на монументальных памятниках — стелах и алтарях. Нет ее и в сохранившихся иероглифических рукописях майя. Тем не менее в I тыс. н. э. были, очевидно, рукописи, посвященные заупокойному ритуалу, тексты которых использовались при составлении «формулы возрождения» на сосудах. «Формула возрождения», употреблявшаяся в погребальном ритуале, вероятно, была достаточно обширной. В надписях на сосудах она представлена в различных вариантах, от предельно краткого (4 иероглифа) до пространного (40 иероглифов). Все

⁸ Там же. С. 126—128.

Рис. 9. Изображение «юных правителей» (божественных близнецов) на расписном сосуде майя, I тыс. н. э.

варианты не противоречат друг другу и, очевидно, восходят к общему первоисточнику. Как уже говорилось, «формула возрождения» не имеет прямого отношения к другим надписям и сценам на том же сосуде. Таким образом, главным признаком, объединяющим группу великолепных полихромных глиняных ваз классического периода майя, является именно «формула возрождения». Точное ее содержание для сосуда № 26 можно найти в упоминавшейся статье Ю. В. Кнорозова и Г. Г. Ершовой. Здесь же для нас важно и то, что благодаря прочтению данной надписи стало впервые известно подлинное название одного из городов майя I тыс. н. э. — крепость «Брод Ягуара», которая отождествляется с городищем Наранхо в департаменте Петен на севере Гватемалы. До сих пор все названия древних городищ майя либо даны испанцами, либо придуманы современными исследователями.

Издавая в 1978 г. свой третий альбом расписных майяских ваз, М. Д. Ко обнаружил, что персонаж с сосуда № 19 из Небаха (горная Гватемала) — правитель, сидящий на платформе, накрытой циновкой, и фигура правителя «Вихрь Дротиков» на сосуде № 26 из первого альбома 1973 г. с «батальной сценой» — одно и то же лицо. Больше того, военачальник «Ястреб-добытчик» с вазы, изображающей «батальную сцену», представлен и на этом новом сосуде. Он стоит на коленях перед тронном правителя, выражая ему знаки смирения и покорности. На поясе након отчетливо видны подвешенные человеческие головы, которые были отрублены, вероятно, у поверженных врагов в ходе сражения. Таким образом, не подлежит сомнению, что в обоих случаях на керамике изображены вполне реальные исторические лица и примечательные события из их жизни. Об этом же со всей очевидностью говорят и короткие иероглифические тексты, сопровождающие всех участников данной сцены на сосуде № 19: здесь правитель и его полководец вновь названы теми же именами — «Вихрь Дротиков» и «Ястреб-добытчик»⁹.

Правда, есть здесь и одна большая трудность. Если о месте находки сосуда № 26 (с «батальной сценой») нет никаких данных, то сосуд № 19 (с «дворцовой сценой») происходит из Небаха в горной Гватемале. Однако из содержания надписей на обоих сосудах следует, что они изготовлены в одном и том же месте — в крепости «Брод Ягуара» (Наранхо), в северной равнинной зоне Гватемалы, т. е. за сотни километров от места

⁹ Там же. С. 120—123.

Рис. 10. «Культовая сцена». Фрагмент росписи на полихромной вазе майя

находки. Как же они могли очутиться в Небахе? Ведь если следовать рассуждениям М. Д. Ко, то такую парадную керамику майя изготавливали непосредственно перед похоронами и лишь для того, чтобы немедленно положить ее в гробницу почившего правителя или аристократа. Однако на многих изящных образцах полихромных ваз классического периода, причем с самыми яркими мифологическими сценами, американская исследовательница Персис Кларксон обнаружила парные отверстия для починки и следы сильной потертости дниц от длительного употребления. Ясно, что они были сделаны не для немедленного помещения в могилу знати в качестве погребальных даров, а вполне могли служить и для повседневного обихода высших слоев майяского общества. Во всяком случае, именно такие расписные вазы изображены в некоторых «дворцовых сценах» вблизи фигуры правителя и даже непосредственно на его троне (рис. 10).

В ряде случаев удалось связать исторических персонажей, упомянутых на керамике в сценах и в надписях, с персонажами, запечатленными на каменных скульптурах. В качестве примера можно сослаться на женщину из царской фамилии города Тикаля, которая вышла замуж за представителя правящей династии города Наранхо. Она изображена на стелах 3, 24, 29 и 31 в Наранхо, а ее именной иероглиф есть на вазе из первого альбома М. Ко.

Наличие уникальной полихромной керамики, найденной при археологических раскопках в Тикале и в Алтар де Сакрифисьос (Гватемала), позволяет предположить что эти изящные и оригинальные расписные вазы приносились представителями элиты из одних городов в другие в качестве погребальных даров. Видимо, каждый правитель имел свою «личную» керамику, сделанную либо при его жизни, либо родственникам после его смерти, чтобы увековечить его победоносные битвы и другие важные события его царствования. Эта керамика использовалась, очевидно, длительное время, возможно, в качестве семейных вещей, на что указывают и парные отверстия для починки, и заметно выщербленные от употребления плоские днища сосудов. И лишь в особо важных случаях она дарилась другим аристократам из соседних городов-государств (при ритуале поминовения, как считает Ю. В. Кнорозов).

В городе Алтар де Сакрифисьос археологи обнаружили в одном из храмов погребение женщины из знатного, возможно, царского рода. Среди погребальных даров, сопровождавших умершую, особенно выделяется изящная полихромная ваза цилиндрической формы, на которой изображен сложный ритуал, связанный с похоронами. Тщательное изучение керамики из данной гробницы выявило наличие, помимо местных

типов, трех привозных сосудов из других городов и областей майя: Иашчилана, Тикаля и Альта Верапаса (горная Гватемала). Примечательно, что два персонажа, которые привезли с собой, по-видимому, часть этой великолепной керамики, изображены и на упоминавшейся выше вазе. Один из них — правитель Иашчилана, известный нам под условным именем «Птица-Ягуар». Другой — посланец правителя Тикаля, судя по эмблеме-иероглифу этого города. Все эти лица были, вероятно, приглашены в Алтар де Сакрифисос на похороны своей знатной родственницы — женщины средних лет. Это событие, согласно календарной дате по эре майя, запечатленной на «Вазе из Алтаря», произошло в 754 г. Посланцы трех городов привезли с собой в качестве даров умершей характерную для своих мест парадную посуду. Вероятно, в конце I тыс. н. э. у знати майя Центральной области существовал обычай взаимных визитов во время похорон представителей высшей элиты, визитов, которые сопровождалась приношением ценных подарков знатному покойнику. Однако в утвари лишь немногих, главным образом царских погребений есть такие привозные полихромные вазы. Так, например, в Тикале в богатейшей гробнице под Храмом I (700 г. н. э.) среди других вещей находилось девять глиняных расписных сосудов с изображением «дворцовой сцены» — правителя на троне в окружении слуг и придворных — сделанных различными мастерами, видимо, происходящих из разных мест.

Этот факт, возможно, проливает свет и на нашу загадку — каким образом расписные вазы из Наранхо очутились в далеком Небахе? Не исключено, что между правителями этих городов существовали какие-то династические связи, и после смерти одного из владык горной Гватемалы его царственные родственники из «Брода Ягуара» (Наранхо) прислали для похорон или поминальных обрядов часть своей «фамильной» керамики.

Во всяком случае ясно одно — благодаря чтением иероглифических текстов на сосудах майя I тыс. н. э., осуществляемым сейчас Ю. В. Кнорозовым, майянистика впервые получила возможность прямого выхода на подлинную политическую историю майяских городов-государств классического периода. Широкое же чтение таких надписей на сооружениях и предметах, находимых во время раскопок древних городов позволит довольно быстро поднять археологию майя на уровень египетской и месопотамской, где давнее содружество археологов и лингвистов уже принесло такие блестящие результаты.

В заключение несколько слов о наиболее интересных результатах полевых исследований на территории майя за последнее десятилетие.

К числу несомненных археологических сенсаций относится недавнее открытие нового значительного городища древних майя в лесах северо-восточного угла департамента Петен в Гватемале — Рио Асуль. Пятилетние работы археологов США позволили определить, что данная территория была населена человеком с 900 г. до н. э. до 800 г. н. э. Первые признаки монументальной архитектуры появляются около 150 г. до н. э., а расцвет города падает на I тыс. н. э. Обнаружено несколько нетронутых богатых (видимо царских) гробниц, спрятанных под платформами заупокойных храмов, большое число гладких и резных стел, иероглифических надписей. Рио Асуль имел внешние оборонительные укрепления в виде рва и вала¹⁰.

В том же районе (Петен, Гватемала) интенсивные раскопки, проведенные на городище Эль Мирадор, известном с 1926 г., позволили заметно удревнить начало процесса урбанизации на территории майя. По заключению археологов Б. Дахлина и Р. Матени (США), город вполне сложился (включая внешние оборонительные укрепления в виде валов и рвов) еще в I в. до н. э., а пришел в запустение около 150 г. н. э.¹¹

¹⁰ Adams R. E. W. Archaeological research at the Lowland Maya City of Rio Azul // Latin American Antiquity. 1990. V. 1. № 1. P. 23—41.

¹¹ Matheny R. T. An Early Maya metropolis uncovered: El Mirador // National Geographic. 1987. V. 172. № 3. P. 317—339.

Возобновились широкомасштабные исследования ученых Гондураса, Гватемалы и США и на таких хорошо известных памятниках майя классического периода, как Копан¹², где найдена царская гробница с богатейшим погребальным инвентарем, и Киригуа¹³. Интенсивные работы на майяских городищах ведутся в последние годы и в Белизе (Куэльво, Нохмуль)¹⁴. Недавно была решена еще одна загадка, связанная с культурой майя классического периода. Среди специалистов долгие годы велись споры относительно того, каким образом древние майя могли поддерживать устойчивой высокой цивилизации на столь непрочной хозяйственной основе, как подсечно-огневое маисовое земледелие. В конце 70-х — начале 80-х годов археолог Р. И. Адамс (США) убедил руководство НАСА испытать новую радиолокационную установку над влажными тропическими лесами Гватемалы, в том самом департаменте Петен, который буквально заполнен руинами древних городов. После первых же полетов на специально оборудованном самолете ученые увидели на экранах радаров силуэты разветвленной сети оросительных и дренажных каналов. По подсчетам Р. И. Адамса на площади около 80 тыс. км² земледельцы майя успешно занимались весьма эффективным сельским хозяйством, продукции которого было вполне достаточно для населения крупных городов в 20 000 человек и более¹⁵.

Исследования археологических памятников на территории майя продолжают во все возрастающих масштабах, и нет сомнения в том, что многие проблемы одной из самых блестящих цивилизаций доколумбовой Америки будут успешно решены уже в самое ближайшее время.

В. И. Гуляев

¹² *Agurcia Fasquelle R., Fash W. L. Jr. A Royal Maya Tomb Discovered // National Geographic. 1989. V. 176. № 4. P. 480—482.*

¹³ *Coe W. R., Sharer R. J. Archaeological investigations at Quirigua, Guatemala // National Geographic Society Research Reports. 1983. V. 15. P. 85—112.*

¹⁴ *Hammond N. and others. The Evolution of an ancient Maya city: Nohmul // National Geographic Society Research Reports. 1988. V. 4. P. 474—495.*

¹⁵ *Гуляев В. И. Каналы древних майя // Природа. 1981. № 5; он же. Земледелие древних майя // Природа. 1982. № 9. С. 88—97.*